

нец»), он еще больше подтянулся, возмужал, по характеру стал спокоен, уравновешен. Дима всегда имел свое мнение. Он не был вожаком, но друзей у него было много. Друзья Диму уважали и даже, не ошибусь, если скажу, что — любили.

В клубе «Спартанец» Дима занимался боксом. С тренировок приходил весь вымотанный, но занимался с удовольствием. Ходил в клуб регулярно. Занятия ему очень нравились. Он так увлекательно рассказывал мне про свои успехи и неудачи в клубе. Иногда они ездили на юношеские соревнования по городам области...

На одной из тренировок присутствовал представитель одной московской воинской части и, отобрав 5—6 человек, после тренировки предложил этим ребятам пойти в их воинскую часть для срочной службы после призыва. Не знаю, что там ответили эти мальчики, но я как-то поникла и ничего не ответила своему сыну... Затем я очень серьезно заболела, почти год лежала в больнице в г. Челябинск, а Дима каждую неделю ездил ко мне в больницу. Он понимал, что если он не приедет, то я буду думать: что-то с ним случилось нехорошее. Он старался меня не огорчать, приезжал, показывал мне, что он жив-здоров, и я спокойно оставалась на больничной койке после сложнейшей операции на позвоночнике. Меня Димочка кормил, умывал... Вот так мы с ним и выжили. Я была очень благодарна своему сыну за поддержку, день за днем я поправлялась. Меня выписали домой. Дима привез меня в Златоуст, но я еще 4 месяца была прикована к постели, и он продолжал спокойно, выдержанно за мной ухаживать. Мне на душе было спокойно и хорошо. Дима меня всегда успокаивал и говорил, что все будет хорошо. И, действительно, я встала на ноги, поправилась... Дима уже получил диплом токаря, а через некоторое время водительские права...

Вот, вроде все у нас шло так хорошо, лучше некуда, живи и радуйся. Но не так устроена человеческая жизнь.

Пришел день, когда нашего Димочку пришлось провожать в армию. Это было 11.12.94 г. Проводили Диму, дом опустошен, стали ждать письма; откуда же прилетит

родная весточка? Весточка пришла из г. Реутово Московской области... Димочка писал, что он действительно попал служить к подполковнику Минееву Борису Ивановичу, который приезжал до этого в Златоуст (в клуб «Спартанец»)... Дима служил в автомобильной роте, и в нагрузку еще были занятия спецназа.

14.01.95 г. я видела Диму, приезжала на принятие присяги к нему в часть. Счастье и радость переполняли меня. Месяц я не видела сына. Он был все такой же подтянутый, но как-то чуть-чуть похудевший. Но Дима меня быстро успокоил. Сказал, что все нормально. Я как-то верила, что все, действительно, должно быть нормально и хорошо...

Как-то я заикнулась о войне в Чечне (война тогда уже шла). Димочка помолчал и сказал: «Давай не будем ни о какой войне говорить». Я не стала перечить сыну, беречь ему душу, понимая, что это волновало каждого, кто носит... погоны, а своему сыну я сказала: «Димочка, береги себя». Мы еще долго сидели и разговаривали обо всем, но к теме о войне в Чечне мы больше не возвращались...

В Чечню Дима попал 17.04.95 г., а 1.05.95 г. в 16 часов московского времени Дима погиб на одной из сопек Кавказских гор, у границы с Дагестаном...

Подполковник Минеев приглашал меня к себе в часть, мы разговаривали с ним, и он вкратце рассказал об обстоятельствах гибели моего сына. Часть находилась в горах на высоте 720 м. В 16 часов 1 мая 1995 года начался обстрел. Дмитрию был отдан приказ вывести боевую машину из-под обстрела. Дима завел БТР и стал его выводить в укрытие. БТР подбили. Дима стал покидать горящую машину и был сражен выстрелом чеченского боевика.

Напоследок подполковник Минеев сказал мне, что Дима был очень старательный, сильной воли солдат, очень подготовленный. Ему бы в дальнейшем неплохо было бы работать в МЧС, СОБРе и других подобных учреждениях. Поблагодарил за воспитание сына и сказал еще, что сейчас редко приходят служить такие спортивные и волевые ребята, каким был Дима.

Сейчас в доме у нас оформлен уголок: